

Середина третьего месяца, 1547-й год по континентальному календарю

Королевская столица Парнам.

Когда солнце село и опустился занавес ночи, три тени промчались по королевской столице. Тени, казалось, избегали света, двигаясь по задним улицам, не освещенным фонарями. Было видно, как они поворачиваются и оглядываются, снова и снова, и снова, и снова, как будто их что-то преследует. Затем...

Гух! — Одна из теней споткнулась и упала. Из его спины торчал нож кукри (кинжал с изогнутым лезвием).

Наши преследователи почти настигли нас! Мгновенно поняв, что держаться вместе опасно, две другие тени отделились влево и вправо, направившись в разные стороны.

Преследовавшие их устремились за тем, кто бежал слева. Хотя тому, кто пытался скрыться справа, было жаль своего товарища, его успокаивало то, что он, скорее всего, сможет убежать. Однако...

— ...?!

Тень остановилась. Ведь путь ей преградил крупный мужчина, от которого исходила внушительная аура.

Внешность мужчины была причудливой и пугающей. На его большом, мускулистом теле были доспехи, выкрашенные в черный цвет, а на лице - маска в виде тигра с мечом. Он был похож на какого-то монстра.

— Черный тигр Парнама..., — прошептала тень про себя. В последнее время о нем ходили слухи среди шпионов.

Шпионы говорили, что в королевстве Фридония живет черный тигр, и ни один из тех, кто его видел, не вернулся живым. Можно было бы удивиться, откуда кто-то узнал о существовании такого человека, если те, кто его видел, не вернулись, но тигр собственноручно уничтожил шпионов, не тронув при этом ни одного купца, который случайно увидел, как он это делает. На основании неясных слов того купца и исчезновения части шпионов точно в то время, когда он сказал, поползли слухи, что в королевской столице есть такое существо.

Они также говорили следующее:

Если шпион сталкивался с Черным Тигром Парнама, он должен был бросить все и бежать. Он не был врагом, которого можно победить в бою. Эти слухи также всегда заканчивались словами: ...ну, если ты сможешь убежать.

Когда тень встретилась со слухами о Черном Тигре, она убедилась, что эти слухи были правдой. Он просто стоял на месте, но тень не могла найти возможности для удара. Поза у него была почти как у старого воина, который десятилетиями защищал линию фронта.

— Сдавайся, — сказал Черный Тигр. — Мой хозяин милосерден. Если ты не будешь сопротивляться, я гарантирую, что тебе не причинят вреда.

Возможно, из-за своей маски Черный Тигр говорил приглушенным голосом. Он говорил это не из уважения к своему врагу. Это была чистая формальность; он предъявлял ультиматум.

Однако тень, которую он преследовал, усмехнулась.

— Будь ты проклят, *****, — сказала тень. — Мы не умоляем о жизни.

С этими словами тень выхватила два коротких меча у себя на бедрах и бросилась на Черного Тигра.

Оба меча приблизились к Черному Тигру. Однако Черный Тигр спокойно достал одати*, висевший у него на бедре, и диагональным ударом разделил человека надвое. Когда он это сделал...

— ?!

В следующее мгновение тело разрубленного человека охватило пламя. Должно быть, он с самого начала намеревался умереть, чтобы заставить себя замолчать, и сжечь свое тело, чтобы уничтожить улики.

С отвращением Черный Тигр стряхнул кровь со своего одати и вернул его в ножны. В свое время Черный Тигр считал бы это великолепным проявлением верности. Однако теперь он уже не мог смотреть на это так. Если и был какой-то смысл в смерти за преданность, то он должен был исходить от хозяина, который оплакивал бы твою смерть. Умереть за хозяина, который вот так использовал, а потом отбросил своих последователей, означало умереть напрасно.

Когда он вернулся к своим мыслям... Кагетора, «Теневой Тигр» как назвал его король, был окружен людьми в черных масках. Это были элитные люди, которые служили непосредственно под началом Сомы, защищая Фридонию из тени: подразделение тайных операций, - Черные коты.

— Мастер Кагетора, — сказал один из Черных котов.

— ...А остальные?— спросил он.

— То же, что и этот.

— Понятно...

Кагетора задумался на мгновение, затем отдал приказ своим Черным котам.

— Уберитесь тут за нами, следов не должно остаться. Я доложу об этом его величеству.

—Есть, господин!

Проследив за тем, как Черные коты разбегаются, Кагетора вспомнил слова, которые произнесла тень.

— Будь ты проклят, неверный.

Последнее слово тень произнесла под дых, и Кагетора едва расслышал его.

Неверный. Это... может быть неприятно, подумал Кагетора, сливаясь с темнотой.

***

Полчаса спустя

Офис правительственных дел в замке Парнам

Это была мартовская ночь, когда погода начала заметно теплеть.

Сегодня, как и в большинстве других дней, мне помогала Лисия, пока я занимался бумажной работой. Что-то случилось как раз в тот момент, когда мы говорили о том, что скоро обед и пора заканчивать.

Стеклянная дверь на террасу распахнулась. Когда я удивленно обернулся, там стоял Кагетора, его черные металлические доспехи были испачканы кровью. Хорошо, что в комнате были только мы. Если бы одна из служанок, которые иногда заходили сюда, увидела это, она бы, наверное, упала в обморок. Несомненно, он специально подбирал время, когда здесь больше никого не будет.

— Кровь?!— Лисия попыталась вытереть кровь тряпкой, но Кагетора поднял руку, чтобы она остановилась.

— Это не мое. Вам не о чем беспокоиться, моя принцесса.

— О... Понятно.

— Кроме того... одати, который подарил мне Ваше Величество, имеет невероятную режущую кромку.

Кагетора положил руку на одати, который он носил на бедре, затем склонил голову передо мной.

О да. Я ведь отдал Кагеторе одати, который мы разработали во время исследования катаны Девятиглавого Дракона. Я создал его для улучшения остроты и дальности колющих атак, но его длина в итоге сработала против него. Если человек не высокого роста, ему было бы трудно использовать его правильно. (Для такого высокого человека, как Кагетора, я решил, что это не проблема, и отдал его ему). Приятно было слышать, что она хорошо ему служит.

— Ну, раз ты в порядке, мне этого достаточно, — сказал я, наполовину в отчаянии.

Из-под его маски послышался легкий смешок.

—...Что? Я сказала что-то странное?— спросила я.

Он снова захихикал.

— Я просто подумал, что мне достался хороший мастер.

— Хм? Вы язвите в мой адрес?

— Нет, я говорил искренне.

Возможно, это затронуло что-то, о чем он думал, потому что в голосе Кагеторы звучало удовлетворение, когда он это сказал. Я не был полностью удовлетворен, но... Ну, сейчас это было неважно. Глава элитного подразделения тайных операций «Черные коты» никак не мог быть здесь, чтобы вовлечь меня в пустые разговоры.

— Итак, у вас есть что сообщить?— спросил я.

— Да, сэр. В последнее время трава стала более активной.

Трава... Шпионы. Другими словами, в городе-замке действовали шпионы другого государства.

— Это Империей Гран-Кэйос?— спросил я.

— Если бы это была Империя, у нас не было бы с ними таких проблем. У нас с ними есть некоторые - связи, и мы бы договорились, прежде чем убивать друг друга.

— Связи...? Вы заключаете с ними сделки?

— Мы часто обмениваемся разведанными о других странах.

— Полагаю, у тьмы свои правила...

Это была та область, где мне лучше всего было держать рот на замке и позволить ему делать свое дело.

— Итак, эти шпионы, которые у нас бегают, из какой они страны?— спросил я.

— Они уничтожили улики, так что у нас нет доказательств, но... скорее всего, из православного папского государства.

—...Ортодоксальное папское государство Лунарии, ха,— пробормотал я.

Ортодоксальное Лунарское Ортодоксальное Папское Государство (Лунария). Это была теократия, управляемая православным папой Лунарии. Последнее, что я слышал о них, это то, что они подстрекали своих верующих в Амидонии к восстанию, а затем попытались вмешаться.

— Но мы ведь не враждуем открыто с православным папским государством?— спросил я.

— Шпионы существуют не только для того, чтобы их посылали во враждебные страны. Даже если это страна, с которой вы хотите установить дружеские отношения, шпионы могут быть посланы для сбора разведанных и создания основы для переговоров.

— Хм... Ну, если они становятся более активными, это значит...

— Вполне вероятно, что в ближайшем будущем они могут предпринять какие-то шаги.

— Это хлопотно...

Я вспомнил некоторые вещи, которые говорила Ророа, когда я впервые встретил ее.

— Потому что эта страна ненавидит Горный Хребет Звездного Дракона и Империю Гран Хаоса, вот почему.

— В лунарианской ортодоксии только Папа может признать кого-то святым. На самом деле, в Лунарийской религии есть женщина, которую называют святой. Вот почему Ортодоксальное папское государство Лунария считает госпожу Марию непростительной злодейкой, которая выдает себя за таковую.

— Вот почему теперь, когда Эльфриден стал больше, поглотив Амидонию, ортодоксальное папское государство не оставит нас в покое. Где-то, как-то, они попытаются установить контакт. Возможно, они предложат вам какой-нибудь выдуманный титул вроде «Святой

Король» и попытаются втянуть вас в свой конфликт с Империей.

Если все было так, как сказала Ророа... это будет еще одна неприятность.

А через несколько дней пришел запрос на аудиенцию от святого папы православного государства Лунарии.

— ...Вот так я и согласился на аудиенцию у святого православного папского государства Лунарии, — закончил я.

— Понятно...

Я находился в Зале Драгоценного Голоса в замке Парнам. По какой-то причине на лице святой Марии Эйфории из Империи Гран-Кэйоса, которое проецировалось в простой приемник, появилось выражение тревоги. Хотя Империя была могущественнейшей из всех человеческих наций, маневры ортодоксального папского государства Лунария, должно быть, беспокоили ее.

Неделю назад я получил просьбу об аудиенции, а вчера пришло известие о том, что святой православный папский государственный въехал в страну. Завтра я должен был провести аудиенцию с ним.

Когда возникла эта ситуация, я сразу же использовал Хакую и ее младшую сестру Жанну Эйфория в качестве посредников, чтобы организовать срочные переговоры с Марией. Лунарская православная святая никак не могла приехать просто так, для пустой болтовни.

Я еще не знал, каковы намерения Папского государства, но независимо от того, хорошо это для моей страны или нет, это точно не будет хорошо для Империи, к которой Ортодоксальное Папское государство относилось враждебно. Вот почему я хотел уведомить Марию заранее, чтобы укрепить сотрудничество между нами в нашем тайном союзе. Я бы не хотел, чтобы она узнала позже, что я встретил святого, и в результате стала бы излишне подозрительной.

Я спросил Марию:

— Неужели даже у великой святой Империи есть проблемы с другим святым?

— ...Пожалуйста, не называйте меня святой, великий король Фридонии.

— Урхх...

Она поразила меня идеальным ответом. Да, когда меня выставляют неким образцом, хотя я никогда не стремился к этому, это было не более чем неприятно.

Пока я размышлял об этом, Мария испустила глубокий вздох.

— Я никогда не встречалась со святой православного папского государства, поэтому не могу сказать о ней многого, но... Когда люди моей страны сами начали называть меня так, кажется несправедливым, что она жалуется мне на это.

— Разве Ортодоксальное папское государство не пыталось выяснить, что вы думаете по этому поводу? — спросил я. — Если бы я был с православным папским государством, а вы прославились как святая, разве не быстрее было бы назвать вас официальной святой, а не пытаться протолкнуть своего собственного кандидата?

— О... Теперь, когда вы об этом заговорили, был разговор о том, чтобы сделать это. Но я

отказалась, — равнодушно сказала Мария.

— Вы отказались?— спросил я, пораженный.

— Позвольте мне ответить на это обратным вопросом. Вы бы согласились?

— Да, я бы точно отказался.

— Я знаю — Мария улыбнулась мягко, но с легкой грустью. — Что бы они заставили меня делать в качестве святой? Кому бы я отдавала приказы и о чем? Ортодоксальное папское государство всегда находит какую-нибудь справедливую причину, а потом посылает людей на войну, говоря при этом, что защищает слабых. Я не хочу нести знамя таких людей.

В этих словах я увидел решимость женщины, которая несла на своих плечах груз сверхдержавы.

— Я могу быть императрицей, но я по-прежнему всего лишь человек, — сказала Мария. — Вместо того чтобы мне поклонялись как святой, я хочу оставаться человеком, и чтобы меня любили как человека.

Остаться человеком и быть любимой как человек... хм. Сказав ей, что я согласен с ней, я вырезал эти слова глубоко в своем сердце.

Позвольте мне немного подробнее рассказать о православном папском государстве Лунария.

Штаб-квартира лунарийской ортодоксии была теократией, которой управлял лунарийский ортодоксальный папа, и история ее насчитывала примерно столько же лет, сколько и история Элфридена. Говорили, что во времена, когда на континенте царил хаос, первый король Элфридена, который также был героем, сумел построить страну, объединив различные расы. Тем временем ортодоксальное папское государство Лунария прошло через процесс государственного строительства, объединив людей силой религии. Их учения, такие как предложение спасения слабым, были основаны на их опыте того времени.

Похоже, что лунарийская ортодоксия изначально была религией расы лунариев, жителей Луны.

Теперь об этих лунных людях: Говорили, что они не были коренными жителями этого континента и пришли сюда извне. Я не знаю, было ли это «извне» в данном случае с какого-то острова, например, с архипелага Девятиглавого Дракона, или из другого мира, как мой, но в легендах говорилось, что они пришли с луны, парящей в небе, отсюда и пошло их название.

Объектом поклонения лунариев была луна, которая считалась их родиной, и которой они молились как богу Лунарии. Поскольку Лунария сияла на небе, запрещалось возводить ее идолов. Кроме того, во внутреннем святилище центральной церкви в столице православного папского государства находилось нечто, называемое лунарилит, лунные надписи, на которых были высечены божественное откровение Луны.

Поначалу к этой вере принадлежали только лунарии, но она распространилась среди других рас и народов, опиравшихся на нее в хаотические времена, и число приверженцев росло. После этого внутри религии начались фракционные распри, а также конфликты между ортодоксальными и еретическими толкованиями. К тому времени, когда лунарианская ортодоксия приняла свою нынешнюю форму, она стала одной из двух самых популярных религий на континенте, наряду с поклонением Матери-Дракону.

Их доктрины включали в себя спасение слабых и взаимопомощь.

Эти доктрины, простые как «Давайте все помогать друг другу в трудные времена» вероятно, помогали им приобретать новых верующих. Адепты поступали так, как призывало их учение, и собирали деньги для тех, кому повезло меньше, обеспечивая бедняков едой и другими услугами.

Я уверен, что вы можете понять, увидев это, но лунарианская ортодоксия и сами верующие были безобидны. Однако, когда оно появилось в виде православного папского государства, все вдруг начало пахнуть чем-то подозрительным. Из того, что я слышал, они использовали своих верующих в каждой стране, чтобы влиять на политику, или подстрекали их к восстанию.

Позвольте мне еще раз подчеркнуть, что были и безобидные верующие, которые были чисты в своей преданности помощи слабым. Я не мог приструнить их вместе со смутьянами, а религия - это такая вещь, которая пылает еще жарче, когда ее пытаешься искоренить. Неважно, насколько велика военная мощь страны, если ее солдаты - последователи лунарианской ортодоксии, то как только они станут враждебны православному папскому государству, общественный порядок начнет нарушаться.

Как видите, власть, связанная с религией, представляет собой опасную комбинацию.

***

Конец третьего месяца, 1547-й год по континентальному календарю

В этот день передо мной предстала святая православного папского государства Лунарии.

Понятно, подумал я, глядя на нее. Да, она определенно святая, все верно...

Возможно, вы подумаете, что мне следовало бы сказать больше, но для описания этой девушки не было более подходящего слова, чем - святая. Настолько она соответствовала своему званию.

Ей было около восемнадцати лет, плюс-минус год. У нее были правильные черты лица и влажные чувственные глаза. Ее серебристые волосы были завязаны в два хвоста. Ее красота была такова, что стоявшая рядом со мной Айша издала вздох восхищения. Одетая по привычке, она действительно выглядела как святая женщина.

Сейчас в зале для аудиенций в замке Парнам было очень мало людей. Это было связано с тем, что Ортодоксальное Папское Государство попросило, чтобы на аудиенции присутствовало как можно меньше людей. Святая из православного папского государства будет присутствовать на аудиенции только со мной.

Я восседал на троне, слева от меня сидела Лисия, претендентка на то, чтобы стать моей первой главной королевой, справа - Айша, мой телохранитель и претендентка на то, чтобы стать моей второй главной королевой, а премьер-министр Хакуя стоял посередине между мной и святой. Если эта женщина окажется убийцей в обличье святой, у меня здесь была Айша, так что я, вероятно, буду в порядке.

Ну... судя по тому, что я мог видеть красивую молодую девушку, стоящую на ковре в нескольких шагах ниже меня, это не должно было вызывать беспокойства. Если бы я не укрепил свою сопротивляемость красоте, постоянно находясь рядом с Лисией и другими, одного взгляда в ее глаза было бы достаточно, чтобы я влюбился в нее с головой.

...Хм? подумал я. Но... что это было?

Я считал ее внешность очень привлекательной, но по какой-то причине она меня совершенно не интересовала. Мало того, когда я смотрел на нее, мне казалось, что что-то не так. Я считал ее очаровательной девушкой, но... что-то меня в ней настораживало.

Даже когда я боролся с этим неприятным чувством, я старался обращаться к ней как можно более спокойным тоном.

— Добро пожаловать, святая православного папского государства Лунария. Я - король, Сом Казуя.

Когда я это сделал, лунарийская православная святая вежливо поклонилась мне.

— Рада познакомиться с вами, великий король Фридонии. Я - смиренная Мэри Валенти. Сегодня я здесь в качестве эмиссара православного папского государства Лунария. Вместо нашего папы я от всего сердца благодарю вас за удовлетворение нашей просьбы об аудиенции, хотя она и была столь неожиданной.

Мэр... Даже ее имя напоминало имя Марии. То, как она говорила, тоже было вежливым.

Я ожидал, что она будет более властной, приказывая мне верить в их бога, поэтому был немного ошеломлен. Ну... Думаю, когда они имеют дело с королем нации, они не могут позволить себе быть слишком властными при первой встрече.

Когда Мэри подняла лицо, она посмотрела мне в глаза и сказала:

— Слухи о ваших подвигах дошли и до нас в православном папском государстве Лунария. Призванный как герой, вы всего за год поставили на ноги Эльфриден, уничтожили княжество Амидония и присоединили его территорию к своей. Поистине, героический подвиг.

—...Вы слишком много мне приписываете, — сказал я. — Я не совершил ничего героического. Я смог восстановить страну только потому, что у меня были хорошие подчиненные; и хотя я изгнал Амидонию, аннексия была просто чем-то, что произошло в потоке событий после этого.

— Поток событий - это судьба, неподвластная человеческому знанию, — сказала Мэри. — Конечно, вы должны были находиться под божественной защитой, сир.

Божественная защита, ага... Такого мнения я ожидал от религиозного человека. Не то чтобы я на него купился.

— Нет, этот поток был создан одним конкретным человеком, — сказал я. — Не меня вы должны хвалить, а суверенную принцессу Амидонии, которая приняла решение всей жизни.

—Вы имеете в виду Ророа Амидонии. Хотя она еще молода, она взяла на себя две страны и нашла путь к наибольшему благу для своего народа. Я восхищаюсь ею как женщиной.

Я был почти уверен, что Ророа ненавидела ортодоксальное папское государство.

Когда старший брат Ророа Юлий был суверенным принцем Амидонии, ортодоксальное папское государство подстрекало своих сторонников в стране к восстанию. Восстание было подавлено Юлием, но Ророа злилась, что в результате пролилась кровь ее народа.

Честно говоря, я хотел, чтобы Ророа была здесь, как кандидат на то, чтобы стать моей третьей

основной королевой и той, кто несет ответственность за финансы этой страны, но, учитывая ее враждебность к ортодоксальному папскому государству, я решил, что она будет ждать в офисе по правительственным делам вместе с Джуной и всеми остальными. Ророа была не из тех, кто позволяет себе показывать вражду, но я не хотел заставлять ее сдерживать свои эмоции.

Но... насколько серьезной была эта девушка, когда говорила это?

Тон ее голоса был ровным, и я не мог уловить в нем никаких особых эмоций. Не похоже, чтобы она что-то замышляла.

Если она могла так говорить, зная, что сделала ее страна, то она была великим актером, но вполне возможно, что она жила защищенной жизнью и ничего не знала о действиях своей страны.

...Нет, если бы это был кто-то из этих двоих, она бы проявила больше эмоций. Она была слишком тихой.

Если бы это было первое, она бы, вероятно, больше апеллировала к своей искренности, пытаясь обмануть меня. Если бы это было второе, она должна была бы проявить больше энтузиазма в том, что находится здесь, чтобы сделать правильную вещь. Однако отношение Мэри, казалось, говорило о том, что она здесь для того, чтобы сделать что-то совершенно нормальное.

Возможно, эмиссар страны должен был вести себя именно так, но в ее случае мне показалось, что она дошла до крайности. Я чувствовал, как в моей груди нарастает то неприятное чувство, которое я испытывал раньше.

Чтобы это чувство не отразилось на моем лице, я спросил ее прямо.

— Ну, тогда, мадам Мэри, по какому делу вы здесь сегодня?

— О, верно, — сказала Мэри и покорно склонила голову. — Я пришла сюда сегодня с просьбой к вам, ваше величество.

— С просьбой? — спросил я, предчувствуя неладное; Мэри ответила мне улыбкой, в которой я не почувствовал никакого злого умысла.

— Мы хотели бы, чтобы вы приняли Лунарскую Ортодоксию в качестве государственной религии Королевства Фридония.

Государственная религия...

Государственные религии. Это концепция, от которой в основном отказались в развитых странах Земли. Я думаю, что страны использовали государственные ресурсы для защиты и поклонения определенной вере. Они превратили религиозные праздники в государственные функции, если я помню.

...Как бы там ни было, пока мы были многорасовым государством, это было нереальным предложением.

— Мадам Мэри, вы понимаете, чего вы от меня требуете? — спросил я. — Если в такой многорасовой стране, как наша, одной религии будет отдаваться предпочтение, это приведет к расколу государства. Вы просите меня совершить такую глупую ошибку?

Я взял несколько более жесткий тон, когда говорил это. Я сделал это, чтобы показать, что меня раздражает то, что она сказала. Возможно, я не всегда казался таким, но я приобрел достаточно власти, чтобы люди называли меня великим королем. Если бы я не был такой важной персоной, то злиться из-за такой мелочи, наверное, было бы против меня. Однако выражение ее лица ничуть не изменилось.

— Мы не просим вас оказывать нам предпочтение. Мы были бы благодарны, если бы вы сделали это, но пока достаточно просто принять нас в качестве государственной религии. В лунарианской ортодоксии мы проповедуем терпимость к другим. Это относится и к другим религиям. Мы не изгоняем последователей других религий и не требуем от них обращения в другую веру.

Затем Мэри подняла ладонь к потолку.

— Луна на небе меняется в зависимости от времени года, и ее лицо меняется в зависимости от дня и места, с которого вы ее видите. Более того, узоры луны для одних выглядят как животное, а для других - как человек. С верой дело обстоит точно так же. Даже если наши взгляды отличаются, мы все равно поклоняемся Богу. То, что мы видим как леди Лунарию, представители других верований просто считают чем-то другим.

Я молчал.

Это было ужасно поэтическое мнение. Если она говорила о своих истинных чувствах, то это, конечно, было толерантно, но... Я просто не думал, что то, как ведет себя ее страна, соответствует этому.

— Но вы же не признаете поклонение Матери-Дракону, не так ли?— спросил я.

— Бог находится на небе и в наших сердцах, — ответила Мэри. — Если вы поклоняетесь чему-то существующему, то только из страха перед этим существом. Что собирается сделать Мать-Дракон для своих поклонников? Разве не правда, что горный хребет Звездного Дракона не имеет никаких отношений ни с одной страной, кроме королевства рыцарей дракона Нотунг?

— Вполне естественно, что страх перед чем-то большим, чем ты сам, перерастает в религиозную веру, — сказал я. — Разве Мать-Дракон не является символом самой природы, находящейся за пределами человеческого познания?

— Это разница в нашем мышлении, — равнодушно объяснила Мэри. — Мы думаем о вере как о связи, возникающей в результате того, что Бог думает о человечестве, а человечество думает о Боге. Для нас поклонение Матери-Дракону выглядит как незаконная любовь к Матери-Дракону. Мы не можем признать это законной верой. Конечно, мы понимаем, что есть люди, которые так думают.

Я полагаю она не сказала ничего особенно необычного. Если уж на то пошло, она выглядела логичной. Если это были ее личные взгляды, то я почти хотел как-нибудь подробно поговорить с ней об этом. Но в некоторых вопросах она была не права.

— Кажется, это хорошая возможность, поэтому я хотел бы услышать ваше мнение кое о чем, — сказал я.

— Что бы это могло быть?

— Я слышал, что в последнее время в королевскую столицу засылают шпионов из какой-то

другой страны...

— В эту страну, вы имеете в виду? Она кажется ужасно стабильной, так что это неожиданно. Мэри сказала это, разумеется, без малейшего изменения выражения лица. Все это время в ее эмоциях не было никаких колебаний.

Когда дело зашло так далеко, я начал думать, что она, возможно, действительно ничего не знает о темной стороне ортодоксального папского государства.

— Когда один из моих подчиненных отправил одного из тех шпионов, мне сказали, что тот сказал: «Будь ты проклят, неверный». Наверное, они были последователями какой-то религии. Вы тоже верите в Бога, так что, возможно, вы понимаете, что означали слова шпиона, госпожа Мэри?

— Я не та шпионка, поэтому не могу вам сказать, но... Мэри, казалось, задумалась на мгновение, затем ответила, не особенно напрягаясь. — Вероятно, они воспринимали свою жизнь как испытание, данное им Богом. Те, кто противостоял им, были неверующими. Короче говоря, так они считали вашего подчиненного неверным.

— То есть, по сути, не имело значения, был ли он последователем другой религии или нет?

— Из того, что вы мне рассказали, я поняла именно это. Я прошу прощения за свой эгоцентричный взгляд.

—...Нет, это было познавательно, — сказал я.

Что это было? Я чувствовал, что все меньше и меньше понимаю ее. Я не мог почувствовать ничего похожего на мотив за словами Мэри. Она давала серьезные ответы на мои вопросы.

...В таком случае, это были переговоры?

В переговорах у обеих сторон были свои цели, и обе стороны обменивались идеями друг с другом, пока не примиряли свои разногласия. Именно поэтому они скрывали информацию, которая была им невыгодна, чтобы направить дискуссию в выгодное для них русло. В том, как она говорила и вела себя, я не почувствовал никакой попытки вести разговор.

— ...Давайте вернемся к теме, — сказал я наконец. — Вы хотели сделать лунарианскую ортодоксию нашей государственной религией, верно?

— Да.

— Так какая польза в этом для нашей страны? Кроме того, если вы говорите, что терпимы к другим религиям, то не должно иметь значения, кто чему поклоняется. Почему лунарианская ортодоксия стремится стать нашей государственной религией?

— Я отвечу на ваш первый вопрос, — сказала мне Мэри. — Если вы сделаете Лунарианское Православие своей государственной религией, мы готовы признать Ваше Великое Высочество святым. Вы уже являетесь королем, так что вы станете святым королем. Кроме того, я, скорее всего, буду послана православным папским государством, чтобы служить вашим личным епископом. Я буду служить вам, как служила бы Богу.

С этими словами Мэри склонила голову.

Все шло более или менее так, как говорила Ророа. Однако я никогда не ожидал, что сама святая придет служить мне.

— То, как вы это говорите, похоже на то, что вы собираетесь выйти за меня замуж, — прокомментировал я.

— Если Ваше Святейшее Величество пожелает, Вы можете делать с моим телом все, что Вам заблагорассудится. Я предложу вам свое тело и сердце, как я служу Богу.

— Я еще не сказал, что собираюсь принять эту святую королевскую штуку.

— Простите мое самомнение. — Мэри еще раз склонила голову. Она совсем не выглядела виноватой... вернее, выражение ее лица заставило меня подумать, что она даже не осознает, что сделала что-то не так.

Когда я упомянул о браке, Айша слегка подпрыгнула, но Лисия, казалось, ничуть не удивилась. Она лишь смотрела на Мэри с серьезным выражением лица. Как Мэри выглядела в глазах Лисии?

— И? — спросил я. — Если я стану святым королем и ко мне будет послана святая, какие плюсы, по твоим словам, это даст этой стране?

— Эта страна выросла до масштабов, сравнимых с Империей Гран-Кэйос. Это, несомненно, результат вашей добродетели. Если вы получите влияние Лунарианской Ортодоксии, эта страна обретет силу, превосходящую силу Империи.

— Это еще одно смелое утверждение, — сказал я. — Но у Империи все равно больше территории и больше власти, чем у нас, понимаете?

Ну, были области, где наши технологии опережали их, но я не собирался упускать это из виду.

Мэри молча покачала головой.

— Четверо из десяти людей, живущих в Империи, являются последователями лунарианской ортодоксии. Эти цифры - результат того, что поклонение Матери-Дракону не смогло закрепиться, потому что Империя воевала с горным хребтом Звездного Дракона в период, когда они расширялись. Другими словами, почти половина населения является последователями лунарианской ортодоксии. Если бы эта страна вступила с ними в конфликт, то с нашим влиянием можно было бы развалить Империю.

— Вы говорите довольно страшные вещи, как будто это ерунда, — сказал я. — У нас нет намерения ввязываться в какие-либо конфликты с Империей.

— Это была всего лишь гипотеза. Короче говоря, я говорю вам, что вы можете получить власть, чтобы соперничать с Империей; власть, чтобы быть сильнейшими среди человеческих наций.

...Да. Что ж, глядя на отношения между князьями Европы Средних веков и Римской католической церковью, это не было немыслимым. Сила правителя и церкви, вместе взятых, позволяла им управлять страной и изгонять иностранных врагов. Это был простой способ решения проблем. Но это только в том случае, если вы закрывали глаза на борьбу за власть между правителем и церковью, которая происходила после этого.

Сейчас мы пытались двигаться вперед, в новую эру. Я не хотел подражать тому, что люди

делали в старые времена.

— Если позволите, я скажу пару слов, — заговорил Хакуя, который до сих пор молча наблюдал за развитием событий. — Простите, что так поступаю с госпожой Святой, но я хотел бы немного поговорить с Его Величеством.

— Пожалуйста.

С разрешения святой, Хакуя подошел ко мне вплотную. Затем, наклонившись и приблизив свой рот к моему уху, когда я сидел на троне, он прошептал мне:

— Вы выглядите не в духе, сир.

— Да... прошептал я в ответ. — По какой-то причине я не могу настроиться на нужный лад. Мне кажется, что в ней есть что-то странное.

— В связи с этим, я думаю, нам нужно думать о ней отдельно от них, — прошептал он.

— Правда?

Хакуя кивнул.

— Я наблюдал за ней все это время, и мне кажется, что она демонстрирует отсутствие эмоций.

— Да, я тоже это заметил.

— Я уверен, что у православного папского государства была какая-то причина отправить ее сюда, но, возможно, сама госпожа Мэри не знает, что это такое? Может быть, она пришла сюда как просто святая, только для того, чтобы передать волю высших эшелонов Православного Папского Государства, как своего рода посланник Куи?

— А?! Значит, она просто посланник?.

Значит, Мэри не была переговорщиком?! Это имело большой смысл... У меня не было ощущения, что я веду переговоры, когда разговариваю с ней.

Я полагал, что ей дали типовые вопросы и сказали, что отвечать, если я спрошу определенные вещи, и она вела переговоры со мной, основываясь на этом. Это объясняет, почему, когда я задавал ей вопросы, которых они не ожидали, например, о мышлении того шпиона, она давала мне откровенные и честные ответы.

Или так, или, возможно, ее попросили отвечать на подобные вопросы честно. Даже если ее партнер по переговорам попытается вытянуть из нее жизненно важную информацию, если ей ничего не сказали, она просто честно ответит «Я не знаю» в конце концов.

Это уже были даже не переговоры. Это было похоже на то, как если бы читатель текста зачитывал за меня мое электронное письмо.

Я перевел взгляд на Мэри. Заметив мой взгляд, она слегка склонила голову набок без всякого выражения.

— ...Понятно, — понял я. В каком-то смысле она похожа на Диву.

В моем мире существовала антропоморфная программа для чтения текста под названием -

Дивалоид. Она стала знаменитой, потому что можно было использовать синтезированный женский голос для чтения отрывков или пения песен, и это вызвало большой бум, особенно на сайтах обмена видео. Они добавили к нему иллюстрации симпатичной девушки, и она даже давала живые концерты в качестве виртуального идола.

Когда я разговаривал с Мэри, мне казалось, что я разговариваю с одной из них.

— Хакуя... Как, по-твоему, мы должны вести переговоры дальше?— прошептал я.

— Я думаю, что было бы неплохо попросить ответ на ваш второй вопрос, заданный ранее, — прошептал он в ответ. — Однако вам следует взвесить не ее собственную реакцию, а намерения ортодоксального папского государства.

...Понял.

Как только Хакуя вернулся в прежнее положение, я обратился к Мэри.

— Извините за ожидание. Кстати, я так и не получил ответа на свой второй вопрос. Почему лунарианская ортодоксия стремится стать нашей государственной религией?

— Ради всего человечества, — без колебаний ответила Мэри. — Север континента теперь стал владением Владыки Демонов. Хотя его экспансия на время остановилась, пока существует Владыка Демонов, человечество никогда не обретет мир. Чтобы достичь мира, необходимо вторгнуться в Домен Владыки Демонов и уничтожить корень проблемы. Однако демоны Домена очень сильны, и ни одна страна не может противостоять им в одиночку. Все страны человечества должны сотрудничать.

Это была жесткая позиция, но... это было понятно, я полагаю.

Мэри продолжила:

— Вот почему мы хотим, чтобы вы стали святым королем. Я уверена, что с помощью вашей и нашей власти можно будет объединить все различные народы. Если после объединения других стран вы попросите их о сотрудничестве, то даже эта империя будет следовать твоим приказам. Двое из пяти их граждан придерживаются лунарианской ортодоксии, так что они не смогут позволить себе игнорировать вас. Таким образом, все человечество будет объединено, и мы вторгнемся во владения Владыки Демонов. Затем, убив Владыку Демонов, который является корнем всего зла, мы освободим север континента.

Мэри говорила все это без колебаний. Звучало так, будто она говорила о крестовых походах. Чтобы вернуть наши потерянные земли, мы будем объединять страны с помощью силы религии. И поэтому они хотели, чтобы я стал святым королем и размахивал флагом ради этого дела.

Но... Я уверен, что это только публичное лицо.

Только увидев людей, стоящих за Мэри, я смог бы получить полное представление о том, каковы были их намерения. Мэри, вероятно, искренне верила, что это для того, чтобы вернуть север, но люди, стоявшие за ней, вероятно, думали иначе.

Мое внимание привлекла фраза об объединении народов человечества. В этом мире уже существовала система, пытавшаяся объединить все человечество: та, которую возглавляла Мария, «Декларация человечества». Это был несовершенный договор, но на данный момент

он, похоже, выполнял свою функцию.

Ортодоксальное папское государство не могло радоваться ситуации, когда Мария, которая была (с их точки зрения) «ложной» святой, была лидером этого договора и завоевывала уважение. Чем больше Мария выделялась, тем слабее было бы влияние их собственной святой, в конце концов. Теократия управляла через свой религиозный авторитет. Другими словами, потеря авторитета была для государства вопросом жизни и смерти.

Именно поэтому ортодоксальное папское государство, вероятно, хотело создать еще один орган международного сотрудничества, отдельный от Декларации человечества. Им нужно было создать новую систему, в которой они могли бы утвердить свою власть. И они выбрали для этого меня.

Я посмотрел на Хакую.

Когда Хакуя заметил мой взгляд, он закрыл глаза и кивнул один раз, затем покачал головой. Скорее всего, он пришел к тому же выводу, что и я.

В свете этого он намекнул мне:

— Мы не должны принимать это предложение.

...Ну, конечно же, нет. В таком случае, я должен был кое-что спросить.

— Кстати, что будет, если я откажусь принять вас в качестве нашей государственной религии?

— Это будет разочаровывающе, но у нас не будет другого выбора, кроме как принять, — сказала Мэри. — Мы не можем заставить вас принять это.

Они отступили на удивление легко. Я думал, что они скажут что-то вроде: «Если вы не примете наши требования, мы заставим всех наших последователей в вашей стране устроить бунт, или что-то в этом роде.»

Пока я так думал, Мэри продолжала:

— Однако, я подозреваю, — выражение ее лица все еще не изменилось. — Я подозреваю, что в итоге мы будем ждать.

— Ждать?— спросил я.

— Да. Мы могли бы ждать только до тех пор, пока либо вы не передумаете, либо не появится новый кандидат на роль святого короля.

Я резко вдохнул от удивления.

Угх... Так вот как они собирались играть. По сути, если какая-либо страна начнет усиливаться, или правитель начнет становиться известным, она говорила: «Мы сделаем точно такое же предложение прямо им.» Если бы они это сделали, то ее предыдущий комментарий о том, что «Двое из пяти граждан Империи - последователи, так что если нам захочется, мы можем разделить их страну», стал бы тем, что может произойти и с нашей страной.

Возможно, Мэри сама не имела такого намерения, но это была чертовски сильная угроза.

Это... Я не должен решать это прямо здесь и сейчас.

Я не хотел принимать его, но если я собирался отказаться, я должен был сказать им об этом только после тщательного рассмотрения доступных мне контрмер. В крайнем случае, я хотел хорошо обсудить это с Хакуей.

Я поднялся со своего места и сказал Мэри:

— Я понимаю вашу просьбу, госпожа Мэри. Однако я не могу дать немедленный ответ из-за серьезности просьбы. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Мы продолжим этот разговор позже.

— Но, конечно, — сказала она. — Я буду молиться, чтобы вы приняли правильное решение.

Мэри кротко удалилась. Переговоры не были завершены, но она не выглядела разочарованной.

Я внимательно посмотрел на лицо Мэри. Я смотрел на него все время, пока мы вели переговоры, но мне казалось, что выражение ее лица почти не менялось. Она была как кукла.

Кукла... Искусственная...?!

И тогда я понял. Что именно в ней было не так.

К тому времени, когда моя встреча с Мэри подошла к концу, была уже глубокая ночь.

Когда мы вернулись в офис по правительственным делам, там нас встретили Ророа и Джуна. Я заметил Карлу с горничными, которые стояли в центре комнаты.

— С возвращением, дорогой... Подожди, что случилось?!— воскликнула Ророа.

— Что-то случилось, Ваше Величество?— осведомилась Джуна.

Эти двое сначала улыбались, но как только они увидели мое лицо, то сразу же приняли озабоченный вид.

Ха-ха... Неужели выражение моего лица сейчас было настолько плохим? Вполне возможно.

Джуна прикоснулась своими пальцами, мягкими и холодными, как маленькие белые рыбки, к моему лбу.

— Кажется, у тебя нет температуры, но... вы плохо себя чувствуете? Не хотите ли вы немного отдохнуть?—

— Эй, старшая сестра Сиа! Что случилось с дорогим?!— вскричала Ророа, надвигаясь на Лисию.

— Не спрашивай меня! Я не знаю!

Я сказал:

— О... Все в порядке, я в порядке, слабо отмахнулся от руки Джуны, затем сел за стол в офисе по правительственным делам. Затем: — Извините. Лисия, Айша, Джуна, Ророа... не могли бы вы подойти сюда? — Затем: Все четверо посмотрели друг на друга и медленно подошли ко мне. Когда они подошли достаточно близко, я широко раскинул руки и крепко обнял всех четверых.

— Ик?!— вскрикнула Лисия.

— Боже мой!— воскликнула Айша.

— Уф... — сказала Джуна.

— Подожди! Дорогой?!— крикнула Ророа.

Все они издали странные возгласы удивления, но я не обратил на это внимания и крепко обнял их.

Я чувствовал тепло всех четверых. Это позволило мне окончательно успокоиться. Как только я получил хорошую полную минуту этого блаженства, я отпустил их.

Лисия поправила свою теперь уже слегка грязную одежду и спросила меня, выглядя при этом немного сердитой:

— Боже... Ты ведь собираешься объяснить нам, что это было?

Беспокойство за меня, которое я услышал за гневом в ее голосе, меня немного обрадовало.

— Да, я расскажу вам.

— Сома, ты стал таким ближе к концу встречи, верно? Что именно произошло?— спросила Лисия.

— Все это время в этой девушке, Мэри, было что-то такое, что казалось мне... неправильным, — сказал я.

— Что-то не так? Но ничто из того, что она делала, не казалось мне подозрительным. Айша в замешательстве склонила голову набок.

Я покачал головой.

— Все немного не так, как ты думаешь. Когда я впервые увидел Мэри, она показалась мне невероятно красивой. Но... в то же время я почувствовал, что она какая-то странная.

— Странная? Что значит странная?— спросил Ророа.

— Она должна казаться мне привлекательной, но я не мог ее так воспринимать. Вот как это ощущалось.

— Хм... А мне она показалась симпатичной девушкой, — сказал Хакуя.

Да... Наверное, ни один другой человек не заметил бы этого. Я заметил, потому что был тем, кем я был, и благодаря этому я смог разглядеть правду.

— Я и сам сначала не заметил этого, — сказал я. — Но в тот момент, когда я подумал, что она была кукольной в своем отсутствии эмоций... или искусственной, если зайти еще дальше... Я понял, что именно мне казалось неправильным все это время. Она... выглядела как они.

— Похожа на них? На кого?

Когда она спросила меня об этом, я положил руку на плечо Лисии.

— На тебя, Лисия.

— А?! Как я?!

— Да. И как Айша, и как Ророа тоже.

— А? А она?

— И я тоже?

Айша и Ророа посмотрели друг на друга, услышав мои слова. Я посмотрел на Хакую.

— Хакуя, если бы ты описывал лицо Мэри для тех из нас, кто не был там, как бы ты это выразил?

— Ну, давайте подумать... у нее были обычные черты лица, серебряные волосы, и они были завязаны в два хвоста...?! — Хакуя, казалось, уловил это, и его глаза расширились.

Я кивнул.

— Вот как я бы ее описал. Ее обычные черты лица были как у Лисии. Ее серебряные волосы были похожи на те, что у Айши, темной эльфийки, а прическа - на прическу Ророа. Другими словами, лицо Мэри было похоже на сочетание лиц Лисии, Айши и Ророа.

— Наших лиц?! — вскрикнула Лисия.

Да. Причина, по которой она меня не привлекала, несмотря на то, что она была такой молодой и красивой, заключалась в несоответствии моих ожиданий. Если бы однажды, ни с того ни с сего, Айша вдруг обрела человеческие черты лица, это бы меня удивило, а если бы волосы Лисии или Ророа стали серебряными, я бы, естественно, подумал, что что-то не так.

Айша подняла руку и сказала:

— Подождите, подождите. Если в ней сочетаются черты всех ваих невест, то какая часть ее, по твоему мнению, могла достаться от Джуны? Из того, что я видел, ее фигура тоже была средней.

— Видите, вот оно, — сказал я. — Из того, что я видел, у Мэри практически нет ничего общего с Джуной. Если бы мне нужно было что-то назвать, я бы сказал, что ее чувственные глаза похожи, но это слабовато, если говорить о чертах характера. Это должно быть просто совпадение. Также... может ли кто-нибудь из вас сказать мне, в чем разница между Джуной и Лисией, Айшей и Ророа?.

— Я единственная, кто является второстепенным кандидатом в королевы, — сказала Джуна. — Кроме того, я также... единственная, чья помолвка с тобой еще не объявлена! — Джуна хлопнула в ладоши, поняв это.

Я кивнул.

— Моя помолвка с остальными тремя уже объявлена, но мы еще не смогли объявить о помолвке Джуны, потому что она работает лорелеем. Другими словами, неизвестно, что она моя невеста. Итак, если мы подумаем о том, как Мэри, обладающая определяющими характеристиками всех моих невест, кроме Джуны, была послана сюда, а также о том, что шпионы Ортодоксального папского государства становятся все более активными в городе-замке, мы можем сделать вывод, что шпионы собирали сведения о том, как выглядят мои

невесты. Они делали это для того, чтобы создать женщину, которая бы мне понравилась или, по крайней мере, не показалась неприятной, и послать ее ко мне в качестве святой.

— Сона, это... начала Лисия.

— Да... Когда я сказал: «То, как вы это говорите, почти похоже на то, что вы собираетесь на мне жениться», помнишь ли ты, что сказала в ответ Мэри?

— Если Ваше Святейшее Величество пожелает, Вы можете делать с моим телом все, что Вам заблагорассудится. Я предложу вам свое тело и сердце, как я служу Богу. Мэри сказала это без колебаний.

Мне прислали девушку, соответствующую моим вкусам, и эта девушка сказала: «Вы можете делать с моим телом все, что пожелаете» и «Я предложу вам свое тело и сердце». Затем, как бы требуя компенсации, они попытались протолкнуть свои собственные требования. Другими словами...

— Для православного папского государства святой - это медовая ловушка, расставленная для государственных деятелей, — сказал я.

— То, что они делают, это то же самое, что дворяне пытаются продать вам своих дочерей... сказала Лисия, в голосе которой звучало раздражение.

Честно говоря, для страны, которой правят люди из знати, они выдвинули несколько вульгарных идей. Похоже, как страна, Ортодоксальное папское государство было очень человеческим предприятием.

— Как только я понял, что в ней не так... Я спросил Мэри о том, как ее выбрали в святые, — сказал я. — Когда я спросил, она любезно дала мне подробное объяснение.

Мне рассказали, что святая была выбрана из числа монахинь центральной церкви благодаря божественным откровениям, содержащимся в Луналите. Большинство из этих монахинь изначально были сиротами, и их было около пятидесяти. Скорее всего, цель была в том, чтобы сохранить разнообразный запас потенциальных святых для любых правителей, которых они хотели соблазнить.

Монахини проходили обучение в центральной церкви и воспитывались, изучая доктрины веры в месте, отрезанном от светского мира, чтобы они стали послушными верующими. Затем, если они достигали определенного возраста, не будучи избранными святыми, их рассылали по церквям каждого региона в качестве епископов.

— Это... ужасно, — сказала Айша с открытым отвращением. — Тогда они действительно похожи на кукол. Как будто у них нет собственной воли.

— Ну-ну, старшая сестра Сиа, — вмешалась Ророа, — по-моему, это не такая уж плохая сделка.

Айша критиковала систему, но Ророа, похоже, придерживалась другого мнения.

— В какой бы стране вы ни оказались, нет ничего сложнее в управлении, чем нормальные детские дома, — сказал Ророа. Если они не получают образования к тому времени, когда станут достаточно взрослыми, чтобы работать, их просто будут использовать в качестве дешевой рабочей силы. Редко можно найти такие места, как наши, где учат чтению, письму и арифметике. Для девочек, вышедших из приютов... часто продажа себя - единственное, что они

могут сделать. Если их поднимают из этой ситуации, дают им еду, одежду и кров в церкви, разве вы не думаете, что это счастье для них?

— Но их поднимают, чтобы они могли быть отданы в качестве подношения иностранным правителям, понимаешь?— ответила Айша.

— Я не говорю, что мне это нравится. Но использование девочек для создания связей - это то, что делает каждый дом, благородный, рыцарский или более великий. Я имею в виду... в некотором смысле, я тоже использовала себя политически.

— О...

Когда Ророа указал ей на это, Айша растерялась. Действительно, когда Ророа организовала свой брак, чтобы защитить свой народ, можно сказать, что она использовала свое положение женщины.

— Простите... извинилась Айша.

Ророа просто сказала:

— Не думай об этом, — и махнула рукой. — Кроме того, я никогда не слышала, чтобы было несколько святых. Другими словами, со всеми монахинями, кроме этой Мэри, такого не случится. Даже для святой, конечно, называть ее «предложением» - звучит плохо, но если лорд наложит на нее руки, она выйдет замуж за деньги. Я женилась по политическим причинам, и сейчас я вполне счастлива, так что ей решать, устраивает ли ее это в конечном итоге.

Ророа сказала это твердо. Она действительно... была сильной девушкой.

— Я согласна с мнением Ророа, — сказал я. — Мне не нравятся их методы, но это не та система, о которой нам нужно что-то говорить. В конце концов, это проблема другой страны.

— Ну... тогда почему ты выглядишь таким измученным?— спросила Лисия, глядя мне прямо в глаза.

Я приложил руку к голове.

— Что меня потрясло... так это то, что Мэри признала, что она святая, и была готова согласиться с этим, точно зная, что это означает.

Когда встреча заканчивалась, я спросила Мэри об одной вещи, которая меня беспокоила.

— Мадам Мэри, у вас нет сомнений по поводу того, что к вам относятся как к святой? Вдруг на вас свалится достоинство вашей страны, вам придется предстать перед иностранным королем, и от вас будут ожидать, что вы скажете этому королю: «Я предложу вам свое тело и сердце». Это слишком большое бремя для одного человека. Я бы подумал, что такая жизнь была бы слишком жестокой для обычной молодой девушки.

Мэри улыбнулась и сказала:

— По воле госпожи Лунарии я была благословлена великой честью стать святой. Святой - это лицо православного папского государства. Получив эту роль, вместо того чтобы жить ради собственных чувств, я хочу выполнять возложенные на меня обязанности. Потому что так будет лучше для страны и, в свою очередь, для всех людей.

— ...Вы откажетесь от своего «я» ради других? — спросил я.

— Это мой естественный долг как того, кто удостоился большей чести, чем большинство. Я думаю, как король, вы понимаете это, не так ли, сир?

Я молчал.

— Жить так, как хотят другие, — сказала она. — Я считаю, что это прекрасный образ жизни, которым я могу гордиться. Для людей, которые почитают меня как святую, я намерена полностью посвятить себя служению им.

Для людей, которые почитают ее как святую... хм.

Должно быть, она всем сердцем верила, что жить так, как хотят другие, это то, чем она может гордиться. Когда я увидел улыбку Мэри, в моей голове промелькнули слова другой святой.

— Я могу быть императрицей, но я все еще человек. Вместо того чтобы мне поклонялись как святой, я хочу оставаться человеком, и чтобы меня любили как человека.

Для одной из них быть святой - это повод для гордости, и она решила вести себя как святая.

Другая, отвернула быть святой и настаивала на том, чтобы оставаться человеком.

— Я думаю, как король, вы это понимаете, не так ли, сир?— спросила Мэри.

Какой путь я выберу...?

— Было время... когда я думал так же, как Мэри, — сказал я своим собравшимся спутникам, словно исповедуясь в церкви в своих грехах. — Ты ведь помнишь, Карла? Что произошло во время битвы с силами княжества?

— В тот раз, вы имеете в виду...?— Карла, которая стояла в стороне в углу комнаты, сказала шепотом.

Я имел в виду время войны с Гаем VIII и коррумпированными дворянами, когда, чтобы защитить свое сердце от давления, давящего на меня, я отгородился стеной и попытался сосредоточиться исключительно на роли короля. Если бы я этого не сделал, я бы не смог выдержать тяжесть всех тех жизней, которые погибли по моему приказу.

— Мы люди, поэтому мы страдаем из-за размера наших обязанностей, — сказал я. — Мы люди, поэтому мы мучаемся над принятыми нами решениями. В тот раз, когда меня заставили участвовать в войне, которой я не хотел, но у меня не было другого выбора, кроме как сражаться, мало-помалу, сам того не осознавая, я начал действовать как система под названием — король... как будто я был машиной. Потому что если бы я был машиной, мне не нужно было бы страдать, думать и мучиться над чем-то.

— Сона... — У Лисии было обеспокоенное выражение лица, но я криво улыбнулся и покачал головой.

— Когда Карла спросила меня «Не боитесь ли вы умереть?», я понял, насколько искаженным было то, что я был готов принять смерть как король. Благодаря этому я смог остановиться. Когда я думаю, как бы все обернулось, если бы Карла не указала мне на это тогда... Я содрогаюсь. Я вполне мог бы закончить как Мэри. Когда я думаю об этом, мне становится не

по себе.

Когда я подумал о том, что было бы, если бы та версия меня, которая стала системой, называемой королем, была бы сейчас здесь, стоя перед Лисией и остальными... это напугало меня.

Смог бы я, который стал способен принять все, потому что я был королем, сделать Лисию и остальных счастливыми? ...Нет, не смог бы.

— Я хочу оставаться человеком, и чтобы меня любили как человека.

Да... Именно так, госпожа Мэри, подумал я.

Если я не мог заметить слезы Лисии и других, если я не мог заставить Лисию и других улыбнуться, даже если это означало страдать под тяжелым бременем и мучиться над принятыми решениями...

Я не хотел становиться простой системой.

— Да. Я тоже. Я бы предпочел быть личностью.

— Сома? — спросила Лисия. — ...Ик!

Я встал со стола, подошел к Лисии и крепко обнял ее стройное тело. Мой неожиданный поступок ошаршил Айшу, Джуну и Ророа.

— Что?!

— О, Боже мой!

— Вау, старшая сестра Сиа, это нечестно.

Когда все трое уставились на нас, Лисия стала ярко-красной, ее глаза быстро забегали.

— Э-э-э... Сома? Могу я попросить тебя отпустить меня? Это немного неловко... Все смотрят...

Лисия говорила это, но я игнорировал ее и продолжал обнимать. Если ей это действительно не понравится, я знал, что Лисия более чем способна оттолкнуть меня.

Я прижимал Лисию к себе, пока говорил Хакуе:

— Я не стану святым королем. Я также не позволю ортодоксальному папскому государству получить свой путь. У меня в голове есть политика, обходящая план ортодоксальных папских государств, но... она, вероятно, хороша только для того, чтобы потянуть время. Если мы собираемся придумать более фундаментальное решение проблемы, то все последователи лунарианской ортодоксии в стране станут проблемой. Я надеюсь, что это сможет лишить их силы, или сделать их безвредными...

— Подожди, почему вы говорите о серьезных вещах, держа меня вот так?!— воскликнула Лисия.

— Хм... В таком случае, позволь мне заняться контрмерами для этого, — сказал Хакуя. — У меня есть несколько собственных идей. Для своих целей я позаимствую Кагетору и некоторых членов «Черных котов» .

— И ты тоже, Хакуя! Почему ты ведешь обычный разговор?!

— Понял, — сказал я. — Давайте подкинем друг другу идеи и поработаем над нашими завтрашними планами.

— Согласно твоей воле.

— Игнорируют?! Меня игнорируют?!

— Спасибо, я буду на тебя рассчитывать. А теперь...

Почесав щеку, я повернулся к Айше, Джуне и Ророа.

— Извините, но не могли бы вы сегодня оставить нас с Лисией наедине?

— ?!

Как только они поняли, что означают эти слова, глаза Айши, Джуны и Ророа выпучились от удивления. А что касается Лисии, которая уже некоторое время протестовала...

— Э... Э...

Казалось, она даже не могла правильно составить слова, и просто открывала и закрывала рот, как золотая рыбка. Обычно Лисия была такой своенравной, но когда я подумал:

— Эй, она тоже делает такие лица, это было довольно забавно.

— Дорогой, значит ли это, что вы двое собираетесь...

Ророа пришла в себя и попыталась выудить из меня ответы, но Джуна положила руку ей на плечо и остановила ее.

— Ророа.

Затем она что-то шепотом сказала Ророа и Айше, после чего повернулась и отвесила мне глубокий поклон.

— Итак, принцесса, Ваше Величество, мы покидаем вас.

С этими словами Джуна тихо удалилась.

— Эмм... Спокойной ночи, Ваше Величество, принцесса, — сказала Айша.

— Мург... Старшая сестра Сиа! Расскажи мне потом, как он справился, ладно?—

Айша и Ророа последовали за Джуной из комнаты.

— Ну, тогда до завтра, — сказал Хакуя. — Отдыхай хорошо.

— Я буду стоять на страже возле комнаты... Пожалуйста, успокойтесь, учитель...

Когда Хакуя и Карла ушли последними, мы с Лисией остались в комнате одни.

Я поднял Лисию, которая застыла на месте.

Эй, она была довольно легкой. У нее было немного мышц, но в целом у нее была стройная фигура, так что разница в весе между нами позволила мне легко поднять ее. Когда я усадил ее на простую кровать, которая, как всегда, стояла в углу комнаты, Лисия окончательно пришла в себя.

При свете свечи мы сидели бок о бок на кровати, глядя друг другу в глаза.

— Э-э-э, Сома? Это значит... то, что я думаю, да?— спросила она со свекольно-красным лицом.

Мои щеки тоже стали горячими.

— Э-э... Да. Это было... вроде как намерение...

— О-о, я понимаю...

—...А мы не можем?

— Нет! Дело не в том, что мы не можем! Я имею в виду, я ждала этого... Лисия поспешно покачала головой. Ее слова обрывались и становились все слабее. — Но почему вдруг сейчас? Ты так долго от меня сбегал.

— О... Да, ну... Я думал, что мне стоит подождать, пока королевство станет более стабильным, пока я смогу взять на себя ответственность за него, пока мы не пройдем все этапы, но...

О, Боже, это было действительно неловко! Я почесал затылок.

— Но... Когда я увидел Мэри и подумал о том, каким я хочу быть человеком... я просто не мог больше сдерживаться. Я хотел... действовать по моим человеческим желаниям, и чтобы ты приняла меня.

— Я-я вижу...

Это, а также слова Мэри: «Я хочу оставаться человеком, и чтобы меня любили как человека», вероятно, тоже повлияли на меня.

Я хотел оставаться человеком, и я хотел любить Лисию и других как людей.

Я хотел, чтобы Лисия и другие любили меня как человека.

Я чувствовал это сильно, и я не мог больше сдерживаться.

...В такой момент я не собирался говорить ей, что слова другой женщины оказали на меня такое глубокое влияние.

— Эм, но... когда мы впервые в офисе по правительственным делам, это, конечно, не очень сексуально, — сказала Лисия, спотыкаясь на своих словах, когда она складывала свой топ, который она сняла, и отложила его в сторону, чтобы он не помялся.

Я тоже снял рубашку и притянул к себе Лисию, на которой теперь не было ничего, кроме белого белья.

Это я дрожал, или она...? Возможно, это были мы оба. Никто из нас не привык к такому, и мы неловко обнялись. Мы поцеловались один раз, а потом...

— Ну, ты хочешь перейти куда-нибудь?— прошептал я на ухо Лисии.

Когда я это сделал, Лисия усмехнулась и молча покачала головой.

— Нет. Здесь хорошо. Я имею в виду, это.....место, где мы с тобой впервые встретились, в конце концов.

***

—.....Хм?— пробормотал я.

Когда свет, проникающий через окно, разбудил меня, лицо Лисии было прямо напротив моего.

Мы делили одну подушку, так что было довольно тесно. Она мирно спала.

С каждым неглубоким вдохом Лисии ее мягкая грудь поднималась и опускалась под одеялом. Один только вид ее в таком состоянии вызвал во мне неопределимую смесь ликования, смущения и любви, и я потянулся, чтобы коснуться ее щеки.

Когда я это сделал,

— Мург... Лисия дернулась, как будто ее что-то щекотало, а затем медленно открыла глаза.

Вероятно, она все еще была в полудреме. Похоже, она не понимала, где находится, и начала беспокойно оглядываться по сторонам. Потом она заметила мое лицо рядом со своим.

— О... Сома. Доброе утро..., — сказала она с ухмылкой. Это была улыбка, такая же нежная, как утренний свет.

Ее реакция была невыносимо милой, поэтому я обнял ее и поцеловал в полузакрытое левое веко. Лисия, еще не оправившаяся ото сна, издала щекочущий смех.

— Боже, Сома, что ты себе позволяешь?

— Хм, я бы с удовольствием продолжал смотреть на тебя вот так, но... Прости, Лисия, вставай, пожалуйста.

— ...А?— спросила она.

Когда я легонько встряхнул ее, на этот раз глаза Лисии открылись полностью. В тот момент, когда она открыла глаза, лицо Лисии покраснело так быстро, что я почти услышал комический звуковой эффект взрыва. Скорее всего, когда она поняла текущую ситуацию, все ее смущение разом вспыхнуло. Конечно, этого хватило и на прошлую ночь.

Я ласково погладил Лисию по голове.

— Доброе утро, Лисия.

— Доброе утро. Ооо... Не смотри на меня так много.

— Не смотреть на тебя? Я насмотрелся в последний раз когда... Ммф!

Лисия ткнула мне в лицо подушкой.

— Это не делает это менее смущающим! — кричала она.

Лисия прижала одеяло к себе и обиженно посмотрела на меня.

Да, она действительно была милой. Я почти хотел наброситься на нее прямо там. Но вместо этого я просто отодвинул подушку и потянулся.

— Да... Не думаю, что когда-нибудь снова захочу заниматься этим в офисе по правительственным делам.

—...Почему? — спросила она.

— Потому что это наше рабочее место, и мне придется попросить их сразу же убрать за нами. Я хочу еще пофлиртовать с тобой, и мне больно вставать.

— Я-я вижу...

Я встал с кровати и надел одежду, в которой был вчера. Я не взял с собой сменную одежду, так что мне придется вернуться в свою комнату, чтобы взять ее.

Быстро одевшись, я спросил Лисию:

— Ну что... ты хорошо себя чувствуешь?

— Д-да... Я чувствую себя немного вялой, хотя...

— Хорошо. Тогда давай я попрошу горничных прибраться.

— Да, — сказала она. — Ты можешь сделать это для меня?

Я поцеловал Лисию в лоб, а затем покинул кабинет правительственных дел.

Когда я вышел через дверь, меня встретили краснолицая Карла, которая отводила глаза, и мягко улыбающаяся Серина. Я понял, почему Карла была там, поскольку она стояла на страже, но почему Серина?

Серина слегка бесстрастно улыбнулась и сказала:

— Вы двое повеселились прошлой ночью.

Вау... Эта фраза, когда кто-то говорит ее тебе в реальной жизни, очень расстраивает.

— ...Вы рано встали, главная горничная, — сказал я.

— В конце концов, я личная горничная принцессы. — С этим ответом, который я не был уверен, что можно считать ответом, Серина отвесила мне элегантный поклон.

Я подумал:

— О, да, она определенно забавляется этим... но я знал, что если скажу что-нибудь, то в мою сторону полетит в три раза больше словесных кинжалов, поэтому я промолчал. Лучше было позволить спящим садистам лежать. Если закрыть глаза на ее дурную привычку издеваться над симпатичными девушками, она была чрезвычайно компетентна в своем деле.

— Серина, Карла... Позаботьтесь о Лисии и комнате для меня, — сказал я.

— Поняла, — ответила Серина. — Давай займемся этим, Карла.

— Да, мэм!

Серина и Карла поклонились мне, а затем вошли в комнату. Мгновение спустя, изнутри...

— С-Серина?! Я все еще голая здесь!— крикнула Лисия.

— Нам нужно привести вас в порядок, поэтому, пожалуйста, уже вставайте с постели. Если вы этого не сделаете, я попрошу Карлу вынести вас из этой комнаты, кровать и все остальное.

— Стой, Карла! Не поднимай кровать!

—...Прости, — сказала Карла. — Если я брошу вызов старшей горничной, я сама потом буду унижена...

— Иик!

...Ну, я слышал эти голоса и много стука.

Хорошо, Лисия. Живи долго, подумал я.

— Ну вот... Я хлопнул себя по щекам. Пришло время сменить образ мыслей. Поскольку мои отношения с Лисией стали еще глубже, я почувствовал, что должен быть еще более решительным.

Чтобы защитить свою любимую семью, я собирался одержать верх над теократией.

— Ну что ж, пойду строить планы с Хакуей.

Я побежал по коридору.

***

Дни спустя.

Я отправил сообщение Святой Мэри, которая жила в Лунарианской церкви в Парнаме, чтобы сообщить ей, что у меня будет еще одна встреча с ней. Мэри ответила, что сразу же придет в замок.

И вот мы с Мэри снова оказались лицом к лицу в зале аудиенций замка Парнам. Это была аудитория с теми же лицами и на тех же местах, что и в прошлый раз. Во время предыдущей встречи я не мог сосредоточиться, потому что в Мэри было что-то не так, но теперь, когда я знал, что это, я мог смотреть на нее с ясной головой.

Когда я снова увидел ее через несколько дней, Мэри была все так же красива и все так же похожа на куклу. Я обменялся с ней короткими любезностями, а затем решил сразу перейти к делу.

— Итак, что касается вопроса о том, чтобы сделать лунарианскую ортодоксию нашей государственной религией...

Она молча ждала.

— Если вы можете принять два условия, я не возражаю против этого.

— Условия...?— Мэри вопросительно склонила голову набок.

Я ответил ей настолько легким тоном, насколько смог.

— О, ничего сложного. Первое - это то, что вы не будете делать меня Святым Королем Лунарианской Ортодоксии. Я не хочу, чтобы вы односторонне начали называть меня так же. Я хочу твердого соглашения по этому вопросу.

— Почему это? Если бы вы стали нашим святым королем, вы бы стояли выше приверженцев лунарианской ортодоксии в каждой стране, понимаете?— Мэри выглядела озадаченной.

Я покачал головой с язвительной улыбкой.

— Это потому, что я сам не являюсь приверженцем лунарианской ортодоксии. Даже если бы кто-то вроде меня вдруг был назван святым королем, я уверен, что со стороны верующих было бы сопротивление. Мне жаль, но я вынужден отказаться от этой должности.

— О... Понятно.

Хотя Мэри выглядела разочарованной, она смиренно отступила от своего мнения.

Конечно, причина, которую я ей назвал, была лишь прикрытием. У меня не было желания стать их святым королем или чем-то подобным, и я не мог позволить нам вернуться в страну, где церковь контролирует образование. Моя цель заключалась в том, чтобы помешать ортодоксальному папскому государству назвать меня святым королем и заставить меня нести флаг в их конфликте с Империей.

— Теперь, что касается второго условия... Я попрошу премьер-министра Хакуя объяснить его, — сказал я.

Хакуя поднес руку к груди и поклонился, прежде чем сделать шаг вперед.

— Позвольте мне объяснить. Другое условие, которое мы выдвигаем, заключается в том, что мы хотим пригласить епископа из православного папского государства, чтобы он приехал сюда и управлял верующими лунарианского православия в стране.

— Конечно, мы можем это сделать, — сказала Мэри. — Я и сама собиралась приехать сюда.

Хакуя ответил:

— О, мы никогда не могли просить вас об этом, — и махнул рукой. — У нас нет желания навязываться святым. У нас есть конкретный человек, которого мы хотели бы пригласить сюда в качестве нашего епископа.

— У вас есть человек, которого вы хотите пригласить сюда? Кто бы это мог быть?

— Епископ Соуджи Лестэр.

Мэри молчала. Как только она услышала это имя, ее бровь слегка нахмурилась.

Я видел это только одно мгновение, но это был взгляд отвращения. Это была первая человеческая реакция, которую я увидел у кукольной Мэри.

Мэри спросила Хакую с немного жестким выражением лица:

— Господин Хакуя, вы... знаете, что он за человек?

— Да. Я слышал, что он очень острый на язык.

— Нет, он просто хитрый, — сказала Мэри. — Я не могу сказать... что я бы рекомендовала его. Он требует большие суммы денег у верующих, много пьет, играет с женщинами и занимается многими другими непристойными вещами. Обычно, как человек духовный, он должен был бы поклясться в подобных желаниях, но этот человек погряз в мирском и делает все, что ему заблагорассудится. Его Святейшество и кардиналы рассматривают его поведение как проблему. Я сама... также нахожу его неприятным.

Это был решительный отказ. Он был человеком, которого, казалось, возненавидела бы даже эта кукольная девочка. Теперь мне стало интересно.

— Как такой человек стал епископом?— спросил я.

Губы Мэри напряглись. Возникла небольшая пауза, прежде чем она снова разомкнула их, чтобы сказать:

— Об этом... неловко говорить, но нас, священников, поддерживают пожертвования последователей. Были кардиналы, которые защищали епископа Соуджи, потому что, независимо от его методов, он мог приносить большие пожертвования...

А... Я начинал понимать, как это работает.

Скорее всего, этот Соуджи давал взятки нескольким кардиналам. Даже если их святым не был, высшие эшелоны церкви чувствовали себя очень человеческими и очень гнилыми. Поэтому даже если бы они захотели сместить его, то не смогли бы.

— Однако, — сказала Мэри Хакуе, — сейчас в церкви раздаются голоса о том, что его следует изгнать. Я считаю, что его отлучение от церкви - лишь вопрос времени. Вы хотите пригласить сюда такого человека?

Даже когда она смотрела на него с явной оппозицией в глазах, Хакуя ни разу не нарушил своей спокойной улыбки.

— По-моему, это просто идеально. Если вы хотите выслать его, мы возьмем его под опеку здесь, в нашей стране. Его Величество очень любит собирать талантливые кадры, видите ли, и он сказал мне, что если есть такой епископ, он хочет с ним познакомиться.

Я не помнил, чтобы когда-нибудь говорил подобное. Я ничего не знал об этом Соуджи и даже не знал, как его зовут, в конце концов. Однако мне заранее сказали, что этот Соуджи будет ключевой фигурой в заговоре Хакуи, поэтому я кивнул, как будто это было правдой.

Мэри посмотрела на Хакую с явным неудовольствием.

— Если он прибудет сюда в качестве епископа, это поставит его во главе всех верующих лунарианской ортодоксии в этой стране. Я не вижу, как он справится с этой задачей.

— Если его не хватит, мы можем просто пригласить другого человека позже, — сказал Хакуя с леденяще холодным взглядом в глазах. — Если он не будет соответствовать нашим стандартам, я не буду возражать против того, чтобы избавиться от него лично.

Ого... У Хакуи точно было злодейское выражение лица. У него и так было умное лицо, так что холодная улыбка ему очень шла. Честно говоря, он был довольно страшным.

Мэри на мгновение была ошеломлена его силой, а затем обнаружила, что не может больше ничего сказать. ...Очень хорошо. Если по каким-либо обстоятельствам он не сможет прийти, я займу его место.

Хакуя склонил голову.

— Да, если это случится, пожалуйста, сделайте это.

Они смотрели друг на друга, каждый пытался разгадать мотивы другого. Кукла и злодей смотрели друг на друга, и не только искры летели, но и ледяной воздух опустился на всю комнату.

Этот воздух был неприятен и мне, и Лисии, а Айше, не привыкшей к такой атмосфере, стало немного не по себе. Тем не менее, на этом все было решено.

Если подытожить то, что было решено, то все сводилось к следующим трем пунктам:

1. Королевство Фридония примет лунарское православие в качестве своей государственной религии.
2. Ортодоксальное папское государство Лунария не будет называть меня святым королем.
3. Соуджи Лестэр будет послан православным папским государством в качестве епископа.

Решив этот вопрос, Мэри попрощалась с нами и ушла. Ей не удалось сделать меня их святым королем, но она смогла добиться принятия лунарской ортодоксии в качестве нашей государственной религии, так что это был достойный результат для нее. Я решил, что с этим она должна спокойно вернуться в Ортодоксальное папское государство.

Я дождался сообщения о том, что она покинула замок, и наконец-то смог почувствовать себя немного менее напряженным.

— Фух... Как ты думаешь, это более или менее помогло?— спросил я.

— Скорее всего, — ответил Хакуя. — Святая считает, что она чего-то добилась, я уверен.

Затем он рассмеялся.

Как и планировалось... — казалось, смех Хакуи говорил об этом.

Я пожал плечами и сказал ему:

— Хакуя, у тебя все еще злодейское лицо.

—...Пардон, — сказал он и снова принял свое обычное бесстрастное выражение лица.

Я спросил его:

— Итак, вы подготовились к встрече епископа, Соуджи, или как там его звали?

— Да. Черные коты под предводительством сэра Кагеторы уже проникли в Ортодоксальное папское государство. Я уверен, что они уже сопровождают господина Соуджи до места, расположенного недалеко от границы. Я предполагаю, что они переместят его в королевскую столицу в течение нескольких дней.

Глядя на способность к сбору информации, которую он продемонстрировал, узнав о епископе по имени Соуджи, а также на готовность, которую он проявил, предприняв шаги по его защите, я понял, что именно такого тщательного внимания к деталям я и ожидал от нашего чернорукого премьер-министра.

— Но действительно ли вам нужно было посылать Черных котов, чтобы сопровождать его?— спросил я.

— Судя по реакции святой, похоже, что они не решаются послать кого-то, кто может опозорить их страну в качестве епископа, — сказал Хакуя. — Чтобы заручиться нашим обещанием признать лунарианскую ортодоксию в качестве государственной религии, она приняла наши условия здесь, но по возвращении домой есть риск, что она откажется от них по какой-то причине. Например, нам могут сказать, что Соуджи пострадал в аварии, и поэтому они пришлют кого-то другого... или еще какую-нибудь подобную историю. Вот почему я решил, что сначала «Черные коты» отправятся и привезут его.

Пострадал в аварии... хм. В своем воображении я мог представить, как это делает ортодоксальное папское государство. Не было никакой гарантии, что он не «пропадет без вести» в тюрьме или не «умрет от внезапной болезни, которая на самом деле была убийством». Если он принял это во внимание, то я должен отдать должное Хакуе.

— Честно говоря, я впечатлен тем, что вы можете так составлять схемы, — сказал я, поддразнивая его.

Лисия, которая стояла рядом со мной, посмотрела на меня холодным взглядом.

— Ты и сам неплохо интригуешь, не так ли, Сом? В каком-то смысле, ты обманываешь эту бедную, невинную святую.

— Не надо говорить обо мне так плохо, — сказал я. — Я не сказал ей никакой лжи.

Не было никакой лжи, когда я сказал ей, что сделаю лунарианскую ортодоксию нашей государственной религией.

— Однако мы можем работать под разными определениями того, что такое «государственная религия», — добавил я.

— Честно говоря... Все дело в том, как вы это сформулируете. — Судя по возмущенному взгляду, брошенному на меня Лисией, у меня, должно быть, тоже было довольно злодейское выражение лица.

***

Прошло еще несколько дней после этого...

Королевский замок в королевстве Фридония объявил, что все конфессии и религии должны

быть зарегистрированы государством, и что все религии, получившие признание таким образом, будут считаться государственными религиями. Другими словами, значение государственной религии в королевстве было изменено на то же самое, что и значение религиозной корпорации.

Король Сомы впервые за долгое время появился в эфире программы Голос Драгоценности, чтобы обратиться к своему народу.

— В этой стране до сих пор каждый человек, каждая семья и каждая раса поклонялись любым богам, которые им нравились, — объявил он. — В дополнение к самым верующим религиям, а это поклонение Матери-Дракону и лунарианская ортодоксия, темные эльфы поклоняются богу-зверю, который, как говорят, охраняет богохранимый лес, и есть те, кто поклоняется морским и горным богам. Мы все происходим из разных рас и выросли в разных условиях, поэтому очень естественно, что все сложилось именно так.

Люди, жившие во внутренних городах, в горных деревнях и в приморских городах, кивнули в знак согласия с его словами. Они жили в разных местах, поэтому было само собой разумеющимся, что вещи, которых они боялись, и вещи, которым они поклонялись, были разными.

Изображение Сомы продолжало говорить с жителями всей страны.

— Это многорасовое государство. В нашей стране обычаи многих различных групп расплавились и смешались, создавая каждый день новые формы культуры. Я считаю, что вера должна быть такой же. Этому царству нужно не единство под одним богом. Я думаю, что это гармония, которая приходит от признания свободы людей выбирать то, во что они хотят верить. Как у вас есть существа, в которых вы верите, так они есть и у других. Я хотел бы, чтобы все вы приняли это и были терпимы. Если вы будете терпимы, я уверен, что и другие будут терпимы к вашим убеждениям.

Люди лишь наполовину поверили словам Сомы.

В этой стране, где средства массовой информации еще не были развиты, они имели ограниченные знания о других религиях. По сути, они понятия не имели, чему учат в церквях других конфессий. Поэтому они сомневались. Подозрения порождали людоедов в темных местах и превращали высушенную пампасную траву в призраков.

Даже если группа была простыми поклонниками гор, те, кто относился к ним с подозрением, могли подумать, что это тайная злая организация. Сомы хорошо знал об этом.

— Что нам нужно для того, чтобы воспитать в себе эту терпимость?— спросил Сомы. — Взаимопонимание. Как бы я ни просил вас быть терпимыми к другим религиям, мы не можем принять злые религии, которые делают такие вещи, как принесение в жертву девственниц, чтобы вызвать дьяволов. Я не буду просить вас быть терпимыми к таким религиям. Однако я уверен, что со стороны трудно определить, является ли религия другого человека доброй или злой.

Здесь Сомы сделал паузу и подчеркнул:

— И именно поэтому мы национализируем религию.

Он продолжил:

— Я хочу, чтобы представители каждой религиозной организации зарегистрировали свою религию в стране. Если вы сдадите экзамен, то ваша религия будет признана государственной религией, подлежащей дальнейшему изучению раз в несколько лет.

— Процесс сдачи экзамена прост. Вам нужно только пообещать не заниматься незаконной деятельностью, такой как убийство, грабеж чужого имущества или сексуальное насилие во имя своей религии.

— Причинение вреда людям, как правило, тоже запрещено, но представители некоторых религий могут заниматься членовредительством. По вопросам о конкретных деталях, например, о том, считается ли нанесение кому-то татуировки причинением вреда, обращайтесь к местным властям. Я дал им конкретные указания, например, принимать вещи, когда люди сами просят об этом, но запрещать вещи, когда их навязывают людям, которые этого не хотят, поэтому, пожалуйста, следуйте их указаниям.

— Если какая-либо религия не сможет выполнить это обязательство или откажется от регистрации, с ней будут разбираться власти, поэтому, пожалуйста, имейте это в виду. Я уверен, что нашим людям будет трудно спать по ночам, если рядом с ними будут жить люди, придерживающиеся таких опасных верований. Я хочу, чтобы вы это поняли.

Сказав все это, Сوما глубоко вздохнул. Затем он продолжил, как будто обращаясь лично к каждому из своих людей.

— Наконец, я считаю, что вера - это то, что существует для живых, а не для мертвых. Чтобы не тащить с собой печаль, чтобы пережить боль повседневной жизни и прожить жизнь как хорошие люди, мы должны иметь веру. И я молюсь, чтобы ни один человек не пострадал от этой веры.

Это было то, что Сوما больше всего хотел сказать.

С тех пор, как появился Домен Владыки Демонов, у людей было много поводов для беспокойства. В такие времена религия становилась все более активной, поскольку сердца людей полагались на ее поддержку, а когда религия становилась все более активной, возникали конфликты между различными религиями и сектами. Поддержка людей превращалась в то, что им вредило.

Возможно, в Царстве было не так много людей, которые полностью понимали это. Однако его слова засели у них в голове.

Словно пытаясь изменить настроение, Сوما хлопнул в ладоши.

— Ну, хватит серьезных разговоров. Теперь, когда каждая зарегистрированная религия станет государственной, у нас запланировано небольшое мероприятие. Ророа все объяснит.

— Правильно! Просто предоставь это мне!— воскликнула Ророа.

Когда Сوما отошел в сторону, рядом с ним появилась очаровательная девочка с волосами, завязанными в два хвостика.

— Здравствуйте, я бывшая принцесса Амидонии и третья невеста Сомы, Ророа. Как поживаете в королевстве Фридония?

Видя ее неиссякаемый запас веселья, жители Элфридена были ошарашены, а жители

Амидонии криво улыбнулись и сказали:

— Это точно наша принцесса.

Серьезная атмосфера, царившая до этого момента, исчезла, как будто все это было ложью, и ее не было изначально. Даже король Сома был ошеломлен.

—...И в таком тоне ты это делаешь, Ророа?— спросил Сома.

— Все в порядке, дорогой, — уверенно ответил Ророа. — Поскольку я участвую в шоу Джуну «Вместе со старшей сестрой», люди уже знают, что я за персонаж.

— Мне показалось, что выбор был довольно вынужденным, хотя...

Сома опустил свои измученные плечи. Он меньше всего походил на ее жениха и больше на старшего брата, которого изводит младшая сестра; но жители королевства чувствовали себя спокойно, наблюдая за ними.

Затем Ророа повернулась к экрану, положила руки на бедра и сказала:

— Сейчас мы собираемся сделать все религии, которые регистрируются у нас, государственными религиями, но у меня есть небольшая просьба ко всем вам, когда вы будете регистрироваться. Если у кого-то из вас есть интересные фестивали для ваших богов, не забудьте сказать нам, хорошо? В мире дорогого я слышала, что некоторые религиозные события превратились в национальные фестивали, и верующие и неверующие наслаждаются ими вместе. Почему бы и нам не устроить себе такой праздник в этой стране?

Ророа вскинула руки вверх, и народ одобрительно загудел. Казалось, даже если они не понимали, что она говорит, они реагировали на слово - фестиваль. Они были рады, что произойдет что-то веселое.

Кстати, сразу после этого Ророа прошептала:

— Кроме того, если мы сделаем из этого фестиваль, то деньги пойдут в дело, а это меня просто умиляет, — но ее голос был настолько низким, что заставил Сому, который был рядом с ней, только криво улыбнуться.

Ророа подмигнула экрану.

— Ну, поскольку я уверена, что просто разговоры об этом не дадут вам понять, что я имею в виду, я, должна привести вам конкретный пример. Итак, старик Соуджи, подойди сюда и объясни для людей.

— Да ладно, маленькая мисс Ророа, называть меня стариком - это слишком... — Тот, кто появился, говоря это, был человеком, около сорока лет, с мускулистым телом. Он говорил язвительным тоном, потирая свою гладкую голову, которая была такой же загорелой, как и все его тело. — Я все еще Лунарский православный епископ, знаете ли.

Теперь, когда он упомянул об этом, на мужчине была форма лунарского православного священника. Он носил ее свободно... Слишком свободно, на самом деле, и она была открыта и переделана почти до скандальной степени. Длинные рукава были обрезаны, а штаны и церемониальная мантия спускались только до уровня чуть ниже колен. Когда этот подтянутый и загорелый мужчина надевал наряд, он выглядел как самуэ (одежда, которую носят японские

дзен-буддийские монахи, занимаясь простой физической работой).

Ророа возразила.

— Старик есть старик. Кроме того, я думаю, что для вас это чересчур - называть скоро будущую третью главную королеву «маленькой мисс» .

Это были боевые слова, и мужчина ответил тем же.

— Не добавляй сюда осьминога! Слушай сюда, маленькая мисс, вы скоро станете замужней женщиной, так что вам лучше развить хотя бы один вид переполняющей вас сексуальности.

— Что это было?! Просто смотри... — Ророа внезапно приняла позу и попыталась эротично застонать, но мужчина лишь усмехнулся.

Тот факт, что он посмеялся над лучшей сексуальной позой, которую она смогла показать, привело Ророа в ярость, и Соме пришлось поспешно завести ее руки за спину.

— Отпусти меня, дорогой!— кричала она. — Я сварю этого осьминога!

— Успокойся, Ророа. Я думаю это было мило, — сказал Соме и погладил ее по голове.

Ророа повернула голову, чтобы посмотреть на него.

— ...Ты серьезно?

— Конечно, ты была очень милой.

— Хм... Ну, тогда я его прощу.

И это все?! подумали люди, наблюдавшие за происходящим. Эти люди не были знакомы с комедийными номерами про мужа и жену, поэтому они не знали, что именно им показывают, но они почувствовали облегчение от того, что все разрешилось мирно.

Соме криво улыбнулся и сказал человеку в форме священника:

— Теперь, господин Соуджи, не могли бы вы продолжить объяснения?

— Как прикажете, король Соме.

С этими словами мужчина сделал один шаг вперед.

— Приветствую вас, жители Фридонии. Я - епископ, посланный православным папским государством Лунария для организации верующих в этой стране: Соуджи Лестэр.

---

*Одати (яп. 太刀, «большой меч») — один из типов длинных японских мечей. Термин нодати (яп. 野太刀, «полевой меч») означает другой тип меча, но часто ошибочно используется вместо одати.

*Кукри́, в ином написании Кхукри и Кукури (непальск. कुकुरि) — национальный нож, используемый непальскими гуркхами. Клинок кукри имеет характерный профиль «крыла сокола» с заточкой по вогнутой грани.

<http://tl.rulate.ru/book/31927/1820610>